

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 316. 346. 2. 001.5
ББК С 542. 2

ГЕНДЕРНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МЕЖДУ КОНЦЕПТАМИ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРАКТИКАМИ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Г. В. Мокроносов,
О. С. Селиванова

Ключевые слова: гендерное равенство, гендерное просвещение, женское движение, феминизм, институционализация гендерных исследований.

Резюме: В статье дается характеристика специфики гендерных исследований в России, анализируются перспективы взаимодействия женского движения и гендерных исследований в процессе гендерного просвещения и демократизации общества.

Гендерное просвещение базируется на определенной идеологии, нацеленной на критическое осмысление оснований патриархатной гендерной системы. Оно включает в себя совокупность репрезентативных моделей гендерного поведения мужчины и женщины, связанных с утверждением идей гендерного равенства. Гендерное просвещение выступает необходимым инструментом построения гражданского общества, так как его развитие немислимо без учета интересов всех граждан, независимо от пола. Его основой как правило выступает деятельность женского движения на базе эгалитарных идей. Подобную идеологию способны актуализировать в нашей стране гендерные исследования. Институционализация гендерных исследований в России началась в середине 90-х гг. XIX в. Основной задачей гендерных исследований можно назвать поиск оснований гендерной идентичности, переход к исследованию пола и сексуальности. Закономерен вопрос: почему речь идет не о женских исследованиях, складывающихся в общей логике феминизма, а о гендерных? Стоит заметить, что феминизм как движение за освобождение женщин вызывает стойкую негативную реакцию в массовом сознании. Борьба феминисток за уничтожение всех форм дискриминации часто представляется малозначимой в российском обществе, где сама идея «освобождения», активного вовлечения женщин в общественное производство, выхода их за пределы приватной сферы дискредитировала себя. Псевдоравенство в условиях квазиэгалитарной советской гендерной политики обернулось двойной нагрузкой и еще большим закрепощением женщины. Может быть поэтому идея «вернуть женщин в семью» получила поддержку не только у значительной части мужчин, но и в женской среде. Итак, попытки привить феминизм на российской почве

оказались неудачными. Вероятно, иная маркировка столь актуальной проблемы в качестве гендерных исследований призвана снизить уровень негативно-го восприятия вопроса о положении женщин в нашей стране.

Институционализация гендерных исследований происходила одновременно с нарастанием активности женского движения на местах. Вследствие этого намечается концентрация усилий женских организаций на тех проблемах, которые остаются вне поля зрения государства. Прежде всего это проблема насилия над женщиной в семье и обществе, торговли женщинами и детьми, наркомания. С. Г. Айвазова пишет: «В нынешних условиях, когда представители политического мира, государственные деятели самого высокого уровня не склонны уделять вопросу гендерного равенства хоть какую-то долю внимания, эта деятельность (гендерное просвещение) чрезвычайно важна. Без специального давления со стороны тех, кто заинтересован в расширении прав российских женщин, проблему равноправия могут просто похоронить как социально малозначимую» [1, с. 67].

В то же время усиление активности на местах внутри женского движения с необходимостью должно иметь определенную идеологию и концепцию развития. Можно заметить, что идейная основа для дальнейшего развертывания и функционирования женского движения оказалась не подготовленной, и даже фактически отсутствовала. Таким теоретическим фундаментом женского движения могли бы стать гендерные исследования. Важно понять, каковы перспективы реального взаимодействия женского движения и гендерных исследований в процессе гендерного просвещения общества.

Закрепление гендерной методологии в российском общественном сознании не обнаруживало преемственности со своим идейным источником – феминизмом, вследствие чего произошло, как пишет Г. А. Брандт, «вымывание из рассматриваемого термина феминистской его сердцевины <...> превращение в аморфное предметное поле» [2, с. 24].

К положительным результатам появления гендерных исследований в нашей стране следует отнести их важнейшую дипломатическую роль – они помогли провести феминистские идеи. К сожалению, данный процесс отнюдь не способствовал консолидации женского движения на основе гендерной методологии, а в определенной степени зафиксировал парадоксальную ситуацию – в русском языке нет особой терминологии для обозначения ситуации осознания категории пола как продукта особой деятельности властной системы на всех уровнях. В силу невозможности точной языковой идентификации «гендера» не были откорректированы и зафиксированы глобальные сдвиги в общественном сознании, которые могла бы вызвать сама революционная природа гендерной методологии. Прямым следствием данного явления стало сокрытие политической подоплеки гендерных отношений, неотрефлексированность роли властных механизмов как проводников гендерных стереотипов.

Иначе говоря, мощный энергетический потенциал, который несли в своем содержании гендерные исследования, не стал в российском общественном сознании отправной точкой для осознания неизбежности построения гражданского

общества. В поиске причин этой ситуации следует обратиться к позиции И. Жеребкиной, которая рассматривает гендерные исследования не как возникшие снизу, в результате саморазвития женского движения на основе феминистского подхода, а как производные от доминирующего политического дискурса, как необходимые существующей политической системе для постулирования псевдodemократических тенденций. Попробуем обосновать эту позицию.

Невозможно отрицать тот факт, что гендер «идет» по России. Как отмечают исследователи, увеличивается количество конференций по гендерной проблематике, выпускаются сборники статей. Но на практике большинство исследователей в области социальных и гуманитарных наук, а так же преподаватели университетов не знакомы с теорией и методологией гендерных исследований. Очевидно, что призыв, раздавшийся на одной из конференций – развести феминизм и гендерные исследования, звучащий абсурдно в западном контексте, вполне вероятно, будет реализован на российской почве. Отсюда простая замена понятия «пол» «модным» термином «гендер» способна привести к дискредитации в научной среде этого еще не вполне осознанного термина.

Иначе говоря, внедрением «гендерных исследований» сверху доминирующий маскулинистский дискурс обезопасил себя от возможного формирования женского движения в России на феминистской основе, от стремления женщин к реальному изменению своей судьбы. Дискредитация гендерных исследований в самом зародыше способна остановить реальную демократизацию общества на основе развития женского движения, вызвав реакцию отторжения, как в научных кругах, так и в обывательном сознании. Отсюда современное российское женское движение на местах привязано к практике и не имеет стратегии консолидации, а гендерные исследования и отечественная феминология остаются по преимуществу элитарной деятельностью, о которой большинство женщин не догадываются либо отрицают в силу ее исключения из повседневных практик.

Одну из причин образования подобной дистанции между ними указывает Ю. В. Градскова: «Необходимость выживания (в советском обществе) в свою очередь способствовала развитию двух женских тактик. Первая из них может быть охарактеризована как принятие своей видимой вторичности и построение всех жизненных планов в зависимости от главного действующего лица – мужчины. Вторая предполагает опору на женскую солидарность. Сегодня в ситуации радикальных изменений в обществе многие женщины продолжают концентрировать свои усилия на поддержании стратегии выживания, что приводит к использованию прежних тактик» [3, с. 27].

Образовавшаяся между гендерными исследованиями и женским движением пропасть остается удобным полем для насаждения патриархатных или откровенно сексистских идей. Гендерное просвещение общества в такой ситуации представляется весьма проблематичным. Осмысление российской социальной реальности под углом зрения гендерных отношений фокусируется

в гендерных исследованиях вне вопроса о властных практиках трансляции гендера с позиций маскулинного дискурса. Парадоксально, но именно к доминирующему маскулинному дискурсу апеллируют лидеры женского движения [4, с. 57–58]. Вследствие этого модификация традиционных представлений о мужских и женских социальных ролях может быть основана прежде всего на массовом гендерном просвещении женского движения как потенциального проводника эгалитарных идей.

Литература

1. Айвазова С. Г. Гендерное равенство в контексте прав человека. М.: Эслан, 2001. – 79 с.
2. Брандт Г. А. Гендерные исследования в России: особенности и проблемы // Гендерные отношения в современной России. М., 2003. – С. 24.
3. Градскова Ю. В. «Обычная советская женщина»: идентичность и повседневные практики // Гендерные отношения в России: история, современное состояние, перспективы. Иваново, 2003. – С. 27.
4. Семина Н. А., Обшивалкина Т. А. Основная проблема России XXI века – проблема бытия женщины // Россия в XXI веке: прогнозы культурного развития. Качество жизни на рубеже тысячелетий. Екатеринбург. 2005. – С. 57–58.